

ФИЛИАЛ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ

ВЫСТАВКА

ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

На выставке представлены работы:

Лауреатов Сталинской премии 1940 года: академика живописи М. В. НЕСТЕРОВА, засл. деятеля искусств, орденосца А. М. ГЕРАСИМОВА, доктора искусствоведческих наук Б. В. ИОГАНСОНА, академика живописи, орденосца Н. С. САМОКИША, народного художника Армении, орденосца М. С. САРЬЯНА, засл. деятеля искусств, орденосца И. Э. ГРАБАРЯ, художников В. П. ЕФАНОВА, И. М. ТОИДЗЕ, скульпторов орденосца В. И. МУХИНОЙ и Н. В. ТОМСКОГО, С. Я. КАКАБАДЗЕ.

Лауреатов Сталинской премии 1941 года: КУКРЫНИКСЫ, П. П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ, Г. К. САВИЦКОГО, а также работы засл. деятеля искусств орденосца И. И. БРОДСКОГО, М. Б. ГРЕКОВА, скульптора Н. А. АНДРЕЕВА и др.

Выставка открыта в помещении Горсовета (Красный проспект, 36-38) ежедневно с 12 утра до 19 часов вечера

Запись на экскурсии принимается ежедневно с 12 утра до 16 часов вечера по телефону 34-625

Входная плата: взрослые 1 рубль, учащиеся 50 коп.

Бойцы, командиры и политработники Красной Армии и Военно-Морского Флота — бесплатно.

Тамара Кафтанова

«22 июня 1941 года. Выходной день. Несу ответственное дежурство по Галерее. Обхожу... залы – все в них сверкает чистотой и порядком. <...>

Меня вызывают к телефону. <...> Распоряжение – срочно вызвать в Галерею директора, секретаря партийной организации и всем ровно в 12 часов быть у радио – будет передаваться важное правительственное сообщение¹. Так, по воспоминаниям старшего научного сотрудника Марии Модестовны Колпачи, в Третьяковской галерее начался первый день Великой Отечественной войны.

Музей перешел на военное положение – был организован штаб по противовоздушной обороне, обеспечена полная светомаскировка всех зданий, обустроено бомбоубежище.

Основной задачей всего коллектива стало сохранение уникальных памятников национальной культуры. По решению правительства срочно начали готовиться к эвакуации и отправке в глубокий тыл. «Через несколько дней залы Галереи наполнились досками, стружками, ящиками, валами для накатки картин... С раннего утра до глубокой ночи <...> вжикали пилы, стучали молотки и среди оголенных стен раздавался извечный бурлацкий призыв – “раз, два, взяли!”². Невиданная, колоссальная работа – упаковка и перемещение десятков тысяч экспонатов в кратчайший срок – явилась одним

17 мая 2005 года исполнится 60 лет с тех пор, как Государственная Третьяковская галерея вновь распахнула двери после длительного перерыва во время Великой Отечественной войны и вынужденной эвакуации в тыл многочисленных коллекций музея. Впервые история Галереи этого периода представлена на базе малоизученных или совсем неизвестных документальных источников. Статья посвящена всем, кто самоотверженно работал, спасая и сохраняя для потомков художественное собрание национальной сокровищницы.

их первых примеров в практике хранения музейных ценностей.

Работали с 6–7 часов утра до поздней ночи. В течение пяти дней под руководством директора Галереи Александра Ивановича Замошкина, главного хранителя Елены Владимировны Сильверсман и заведующего реставрацией Евгения Васильевича Кудрявцева картины были сняты со стен, освобождены от рам и подрамников.

Упаковка в ящики началась 4 июля. Производилась она силами всего коллектива сотрудников, но основная нагрузка легла на плечи реставраторов: Е.В.Кудрявцева, А.А.Рыбникова, И.И.Суслова, К.А.Федорова, А.И.Баранова, С.Я.Бабкина, И.В.Овчинникова, М.И.Панина, Р.П.Астафьева, М.Я.Вознесенской, М.Ф.Иванова-Чурунова.

В консервации произведений «были использованы методы, примененные ранее при транспортировке картин в Америку на Международную выставку, целиком себя оправдавшие. <...> Многие уникальные картины наматывались на специальные рулоны, заключались в металлическую оболочку, запивались и упаковывались в ящики с хорошей изоляцией»³. В этой трудоемкой работе реставраторы Галереи помогали и осталь-

КАК ЭТО БЫЛО

Государственная Третьяковская галерея в годы Великой Отечественной войны

Афиша 1942 г. Новосибирск

An exhibition poster from 1942 Novosibirsk

К.А.Федоров, С.С.Чураков, Е.В.Кудрявцев во время реставрации «Севастопольской панорамы» Ф.А.Рубо. Новосибирск. 1942

Konstantin Fedorov, Stepan Churakov, Yevgeny Kudryavtsev working on the restoration of Franz Roubaud's panorama "Defence of Sevastopol". Novosibirsk. 1942

ным музеям Москвы, Загорска, других городов. Например, была проведена сложная операция по снятию наклеенных на стены шести живописных панно Мориса Дени (Denis) и трех панно Пьера Боннара (Bonnard) в Музее нового западного искусства.

«Подготовка к эвакуации шла параллельно с обычной популяризационной работой: зрители были в наших залах каждый день. <...> Очень хорошо помнится такой эпизод: мы в одном из залов пакуем и plombируем очередные ящики, а в соседнем зале – Васнецова, идет экскурсия для отбывающих на фронт солдат⁴ – такими остались эти дни в памяти Софьи Ноевны Гольдштейн.

В нижних залах Галереи уже громоздилось несколько сотен замаркированных и опломбированных ящиков. В каждый была вложена опись произведений («спецификация») с каталожными данными. Пока в Третьяковской галерее и других музеях продолжалась спешная упаковка художественных собраний, Комитет по делам искусств вел секретную переписку⁵ на высшем уровне о возможных сроках, пунктах назначения и, самое главное – методах перевозки. Правительство настаивало на транспортировке ценного груза водным путем.

¹ Колпачи М.М. Незабываемые дни // Государственная Третьяковская галерея и ее сотрудники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). К 30-летию Победы. Сб. Ротапринт. М., 1975. С. 4.

² В дни войны и победы. Из «Воспоминаний» С.Н.Дружинина // Искусство. 1980. № 5. С. 43.

³ ОР ГТГ. Ф. 8Х, ед. хр. 113, л. 4.

⁴ Гольдштейн С.Н. Государственная Третьяковская галерея в Новосибирске: Из беседы с заведующим отделом искусства второй половины XIX века, заслуженным работником культуры, кандидатом искусствоведения С.Н.Гольдштейн // ГТГ и ее сотрудники в годы ВОВ (1941–1945). К 30-летию Победы. Сб. Ротапринт. М., 1975. С. 16.

⁵ Впервые письма Комитета были опубликованы С.В.Кузавым, который выдвинул предположение о возможном контроле И.В.Сталиным вопроса об эвакуации музейных ценностей (см: Кузаков С.В. Операция «эвакуация». Как спасли музеи во время войны // Новое время. № 19. 1997. С. 40–41).

The Tretyakov Gallery during World War II

Tamara Kaftanova

May 2005 will mark the 60th anniversary of the reopening of the Tretyakov Gallery after a four-year break when the museum was compelled to evacuate its unique collections out of Moscow. This article, presenting for the first time the Gallery's history during World War II, draws on so far little-known – or completely unknown – events and documents; it is dedicated to those individuals who worked unselfishly to evacuate its treasures, and save them for future generations able to appreciate, and enjoy the major achievements of the country's art.

"22 June, 1941. Sunday. I am on duty: in charge of the whole gallery. Walking around ... the gallery's rooms, – everything is immaculately clean and in perfect order ... A red carpet runs down the stairs. Everything looks festive, Sunday-like and peaceful. Suddenly there is a telephone call for me. I receive the order to summon the Director and Party Secretary urgently, and to get everybody present in front of the radio at noon. An important government statement is expected to be broadcast." Such was the Sunday morning that opened the pages of the Great Patriotic War in the history of the Tretyakov Gallery, according to the Gallery's senior research worker Maria Kolpakchi.

The Museum was put on a war footing: air defence executives were appointed, with a blackout of all buildings and an air-raid shelter provided. By Order No. 200 of 28 June 1941, signed by director Alexander Zamoshkin, a round-the-clock air-raid shift system was set up.

It was decided by the government to evacuate the collections to the centre of the country. The work began immediately: the unprecedented, colossal work of conservation and transportation of thousands and thousands of exhibits, urgently and over a short period, became one of the first examples of its kind in world museum practice.²

Under the supervision of Zamoshkin, as well as chief curator Yelena Silversvan and head of the restoration department Yevgeny Kudryavtsev, the paintings were removed from the walls, taken from their frames and then off their canvas-stretchers. The Russian State Archives of Art and Literature have lists dated 27 July 1941 of the works of art from the Gallery which were authorized to be evacuated primarily. Some of the pages bear the inscription: "High-priority. Unicum. Crates have been ordered." One page in the list of the Ancient Russian Art collection sounds a little strange: in black pencil are marked "Shestodnev [The

Пригласительный ▶ билет на выставку в ГТГ. Москва. 1942

An invitation ▶ to the opening of "The Great Patriotic War" exhibition at the Tretyakov Gallery. 1942

Six Feast-Days] by Dionysius (no.12058), "The Transfiguration" by Theophanes the Greek (no.12797), "The Holy Trinity" by Andrei Rublev (no.13012), "Our Lady of Vladimir" (no.14243), with a short but imperative resolution: "Do not touch!" The lines at the bottom of the page are a list of precious metals: they are outlined, with the approving "Yes!" below.

The packaging began on 4 July. Undoubtedly, the tricks of conservation of different works of art were derived from the enormous experience of Zamoshkin, who had been in charge of the decoration of the Soviet Pavilion at the 1939–40 World Fair in New York. If such jobs as the removal of one painting, like "The Appearance of Christ to the People" by Ivanov, to another room were normally preceded by a number of meetings and consultations among the specialists involved, the mass evacuation under such difficult circumstances had to be carried out promptly and under pressure.

Large-size canvases were reeled up on a special roll, put inside a metal capsule, sealed and packed in a well-insulated crate. Paintings of medium and small size were also packed in well-insulated boxes (veneered or pasted up with American cloth).³

"While preparatory work for evacuation was going on, we did not stop exhibiting our collections. People would come to the Gallery every day. That was dictated, on the one hand, by the secrecy of the evacuation operation, and, on the other, by the fact that many military personnel came to the Gallery before being sent to the front," remembers Sophia Goldstein.⁴

The Gallery rooms on the ground floor and in the basement were filled with

Председатель Комитета по делам искусств М.Б.Храпченко смело доказывал преимущества железнодорожных перевозок.

Наконец, 13 июля вышло распоряжение председателя Совета по эвакуации при СНК СССР Н.М.Шверника о временном вывозе ценностей из Москвы по железной дороге⁵. В прилагаемой к нему ведомости перечислялось имущество «Комитета по делам искусств при Совнаркомом Союза ССР подлежащее вывозу из Москвы по железной дороге: 1. Коллекция старых музыкальных инструментов Государственного Академического Большого театра Союза ССР. 2. Уникальные произведения искусств Государственной Третьяковской галереи. 3. Экспонаты Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. 4. Экспонаты Музея нового западного искусства. 5. Экспонаты Музея восточных культур». В этом же документе указывалось место направления – Новосибирск, и количество выделяемых вагонов – 24⁷.

Из Лаврушинского переулка в сторону Казанского вокзала потянулись крытые грузовики⁸. Однако время было упущено. Перевозки по Москве уже в середине июля, августе совершались в условиях частых вражеских налетов. По воспоминаниям реставратора ГМИИ им. А.С.Пушкина М.А.Александровского, чистая случайность уберегла состав с национальным достоянием страны: «На сортировочной станции железной дороги мы стояли двое суток, так как вне всякой очереди, разумеется, шли на фронт воинские составы. На третий сутки поезд отправился, и очень своевременно. На другой день радио сообщило, что на то место сортировочной, где стоял эшелон, были сброшены бомбы»⁹.

По официальным сводкам, выехавший из Москвы 15 июля состав (17 вагонов, из них 8 – пульмановских), увозил в глубь страны 235 ящиков с экспонатами ГТГ и выставкой «Индустрия социализма». Вместе с ними были погружены еще 603 ящика из собраний других музеев. Сопровождали груз сотрудники музеев. От Третьяковской галереи – зав. реставрацией Е.В.Кудрявцев, художник-реставратор К.А.Федоров, бригадир рабочей бригады В.М.Климов, завхоз А.И.Мартынов и др.

Музейное хранилище филиала ГТГ в Оперном театре. Новосибирск. 1942

The Tretyakov Gallery branch storage in the Novosibirsk Opera House. 1942

Реставратор М.А.Александровский на выставке «Русская реалистическая живопись» в Оперном театре. Новосибирск. 1942

Mikhail Alexandrovsky, a restorer, at the "Russian Realist Art" exhibition in the Novosibirsk Opera House. 1942

⁶ ГАРФ. Ф. № Р-6822, оп. 1, ед. хр. 237, л. 7.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ По отчетной сводной таблице было вывезено произведений живописи: XVIII–XIX вв. – 1000, XIX–XX вв. – 1642, советской – 422; скульптуры – 67; древнерусского искусства – 234; графики – 8466; работ из драгметалла – 169. Всего – 12 000. Кроме того, было вывезено материалов архива – 18312, библиотеки – 579 (РГАЛИ. Ф. 962, оп. 6, д. 903, л. 57).

⁹ Александровский М.А. Из воспоминаний // Музей. № 3. 1982. С. 232.

¹⁰ Каменская Е.Ф. Воспоминания о Галерее в довоенные и военные годы (ксорокс с рукописи). ОР ГТГ. Ф. 221, ед. хр. 1, л. 7.

керамикой, древнерусской живописью. Там же вынуждены были оставить более громоздкие ящики. На втором этаже нашли место для живописи, пастели и графики. Здесь же отгородили запасник. Обустроили помещение для реставрации. Одновременно с расстановкой ящиков велись срочные работы по изоляции музейных хранилищ от помещений, не относящихся к филиалу, – зрительного зала, сцены и других, в которых продолжалось строительство театра. Для проживания сотрудников филиала и их семей отвели комнаты – гримерные на третьем этаже.

С первых дней началась ответственная храниТЕЛЬСкая работа: обходы, круглосуточные дежурства в запасниках, контрольные вскрытия ящиков, обследования произведений. На протяжении всего периода эвакуации велись журналы передачи ответственных дежурств, акты и дневники обследований, составлялись топографические описи ящиков.

После отъезда А.И.Замошкина в тыл Третьяковскую галерею возглавляли (с небольшим перерывом) его заместители Мильдэ Генриховна Буш и Степан (Стефан) Иванович Пронин.

В конце июля – начале августа усилились бомбардировки Москвы. Известно, что Галерею как всесоюзный объект национальной культуры фашисты намеревались уничтожить в первую очередь. Ориентиром им служила река. Самым важным в круглосуточных дежурствах военизированного отряда ПВО было наличие речного, как тогда называли, «золотого песка», необходимого при тушении возможного пожара от зажигательных бомб. Первая «зажигалка» попала в зал Н.Н.Ге. Несмотря на покрытие наших зенитных батарей, в ночь с 11 на 12 августа 1941 года две фугасные бомбы обрушились на основное здание. Навсегда врезалось это в память старшего научного сотрудника Елены Федоровны Каменской, дежурившей тогда в составе отряда: «Постепенно нарастали глухие удары зенитных орудий, стоявших на крышах высотных зданий. <...> Через несколько минут протяжно и певуче засвистела бомба, нацеленная на Галерею. Звук катился к моему левому плечу. Я инстинктивно подалась вправо. Раздался глухой сильный грохот разрывающейся бомбы. Она пробила асфальт снаружи перед входной дверью в Галерею и разорвалась внизу в гардеробе, в подвальной комнате <...>. При разрыве бомба разворотила плиты пола <...>. Через несколько секунд раздался справа еще более глухой грохот от второй бомбы, которая, пройдя сверху стеклянный потолок второго этажа галереи, ударила в пол одного из залов 18-го века и разорвалась в нем, встретив железную балку и погнув ее»¹⁰.

Третьяковской галерее был нанесен значительный ущерб. Вышли из

Планы-кальки Оперного театра в Новосибирске. Красным выделена площадь, занимаемая художественными фондами филиала ГТГ. 1943

The floor plans of the Novosibirsk Opera House. The territory occupied by the Tretyakov Gallery branch storage rooms are marked in red pencil. 1943

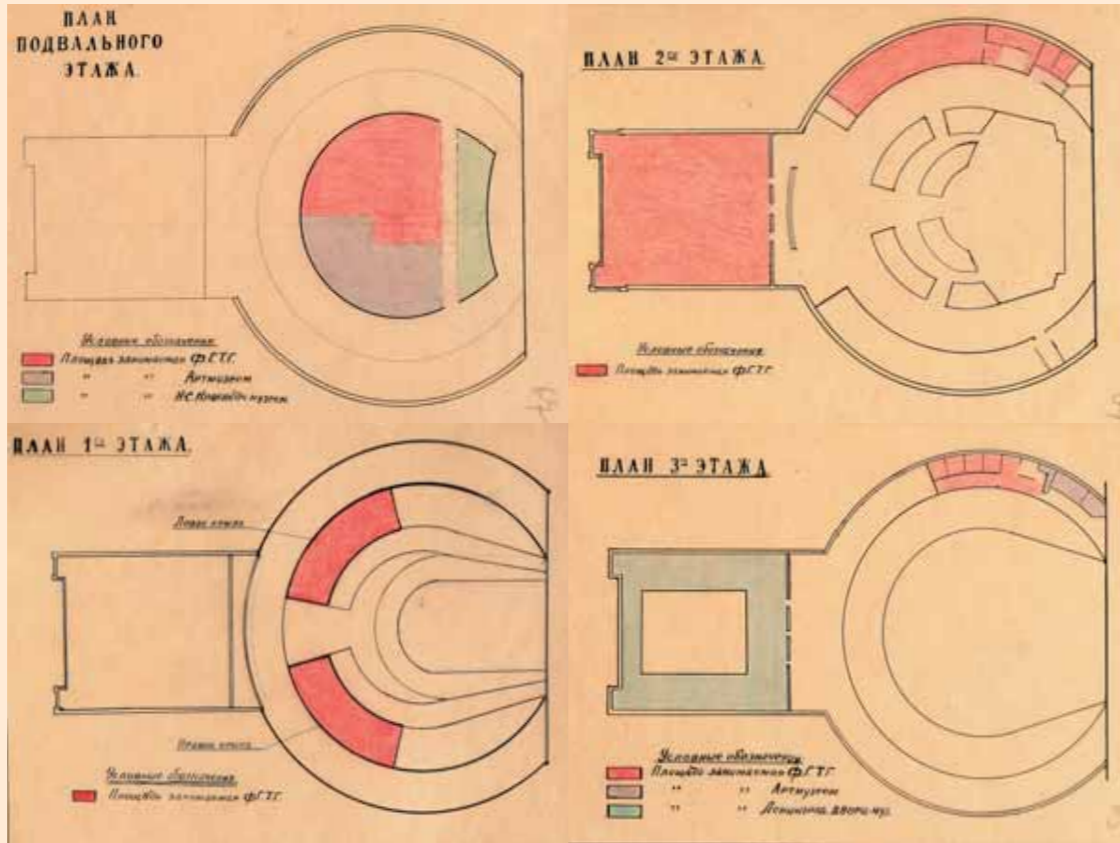
стройка отопительная и вентиляционная системы. По воспоминаниям М.М.Колпакчи: «Потрясенные, осматривали мы утром разрушенные места. К вечеру приехал в Галерею М.Б.Храпченко. По его распоряжению и с его помощью (народу было мало) <...> стали спускать в подвальное помещение (бывшего) буфета) ящики с более ценными произведениями».¹¹

Несколько месяцев спустя, в ночь с 12 на 13 ноября, упала еще одна фугасная бомба на территорию Галереи. Был разрушен двухэтажный жилой дом. Сотрудники Галереи и их семьи остались без крова, пострадал гараж. Руины, пожары, камуфляжные сетки, раскраска – все это изменило прежний вид Москвы, и Лаврушинский тоже. «Мы здесь продолжаем Ваше дело, укрываем всячески от зорких стервятников наши дорогие нам памятники искусства. Все расписано, и во мно[го]м пейзаж неузнаваем вовсе. Подклеты страшно понадобились и старые жел[езные] ставни вместе»¹². Так сообщал И.Э.Грабарю о маскировке фасада и крыши Галереи профессор-реставратор С.А.Торопов.

Буквально за день до августовской ночной бомбежки успели снять и упаковать вмонтированный в окно нижнего зала № 29 витраж «Рыцарь» из цветного стекла работы М.А.Врубеля. Перевезли из Ордынского запаса (ныне – собор в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Б.Ордынке) в Галерею иконы. Первые разрушения ускорили вторую отправку произведений искусства в тыл. В середине августа огромная баржа постройкой 1913 года отплыла от Московского речного вокзала. В сухом трюме поместились 85 упакованных ящиков (40 – из основного собрания Галереи¹³, 45 – с работами И.И. Бродского).

Среди галерейских произведений были «Рыцарь» М.А.Врубеля и мраморная статуя Ивана Грозного работы М.М.Антокольского. Сопровождали музейные ценности старший научный сотрудник М.М.Колпакчи и реставратор Иван Васильевич Овчинников.

В районе завода им. Сталина (ныне – завод им. Лихачева) они попали в полосу воздушного боя. Но все же благополучно доплыли до города Горького (ныне – Нижний Новгород), где не только починили крышу баржи, но и взяли на борт художественную коллекцию Русского музея вместе с картинами «Последний день Помпеи» К.П.Брюллова и «Медный змий» Ф.А.Бруни. Баржа никогда не ремонтировалась и по прогнозам речни-

hundreds of tagged and sealed crates and boxes. Each contained a description of the work of art (a “specification”), the catalogue information being taken down hastily, on pieces of cheap paper, often in pencil. The Tretyakov Gallery Manuscript Department keeps hundreds of such “specifications”.

While the Tretyakov Gallery as well as the other museums were trying to keep a sober head on the task of packing their treasures, the Committee for Arts were carrying on a secret correspondence with top-level officials about possible dates, destinations and – most importantly – methods of transportation. According to Sergei Kuzakov, who was the first to publish this correspondence in the weekly “Novoye Vremya” [New Time], the matter, allegedly, was not decided without intervention from Stalin himself.⁵

The government insisted on transportation by water. One letter bears Molotov's resolution: “To Comrade Shvernik. To discuss the matter again trying to avoid transportation by a railway.”⁶

“To give the members of the Committee for the Arts and its chairman Mikhail Khrapchenko their due, they had the grace to disagree with such a resolution. A fact unprecedented in wartime and with the tough centralization of power in the USSR at the time,” noted Kuzakov.⁷ On 9 July the Committee sent another letter to the government with a counter-proposal to allow transportation of the most valuable works to Novosibirsk by rail.⁸

At last, on 13 July, there came an executive order signed by Shvernik (unclassified at the request of the Tretyakov Gallery in 2002) to authorize the temporary removal of works of art from Moscow by rail.⁹ The docu-

ment also stated the destination – Novosibirsk, and the number of the allotted cars – 24.¹⁰

A procession of cargo vehicles started from Lavrushinsky Pereulok towards the Kazan station. The first train took 12,000 works of art, as well as 18,312 folios from the archives and 579 books from the Gallery's library.¹¹

Air raids were occurring quite often in Moscow in the middle of July and in August, and the transportation of valuables was far from safe. Mikhail Alexandrovsky, restorer of the Pushkin Fine Arts Museum, remembers it was a mere accident that the train with the precious cargo remained undamaged: “We were waiting at the sorting depot for two days, for the troop trains were, of course, sent to the front without any delay. On the third day our train set off at last and it happened to be quite on time. The next day we heard on the radio that the place where we had been waiting was attacked and bombed.”¹²

An official report said that the train (17 cars, eight of them Pullman) which left Moscow on 15 July was transporting 235 crates and boxes with the Tretyakov Gallery exhibits.

The evacuated museum collections held by the Committee for the Arts were transformed into a branch of the Tretyakov Gallery, with a composite staff representing different Moscow museums and Zamoshkin as director.

The train with this secret cargo arrived in Novosibirsk in the last week of July. They were met by pouring rain as assisted by soldiers the museum workers unloaded the exhibits from the train and drove them to the city's Opera House, then

ков могла не выдержать такой нагрузки. Тем не менее полплыли вверх по Каме, к месту назначения – в город Молотов (ныне – Пермь). 14 сентября благополучно прибыли и причалили у крутого берега реки. Размещение должно было быть в Картинной галерее, но ее директор Николай Николаевич Серебренников не хотел закрывать постоянную экспозицию. До улаживания конфликта на уровне Комитета продолжали сидеть на барже. Наконец, он согласился принять только коллекции ГРМ и ГТГ. Остальной груз отправили в Соликамск.

Ящики начали перевозить с баржи в летний неотопляемый Троицкий собор только в конце сентября, когда стояла холодная и сырая осенняя погода. По воспоминаниям М.М.Колпакчи, огорчения тогда не прекращались: «Нет машины и людей для перевозки «Ивана Грозного». Пять дней стоял он одиноко на берегу, охраняемый И.В.Овчинниковым и старцем с длинной рыжей бородой (он согласился дежурить за хлеб, кот[орый] мы отдавали ему от себя»¹⁴. Только после 18 октября, когда пришло распоряжение из Москвы о закрытии экспозиции Картинной галереи, приступили к перемещению ящиков в залы.

До конца эвакуации М.М.Колпакчи и И.В.Овчинников работали в группе по хранению ценностей филиала Русского музея в Молотове, возглавляемого Петром Казимировичем Балтуном. Но ответственность за грузы Третьяковской галереи с них не снималась, как видно из телеграммы 1941 года: «Независимо от названия филиала ответственность за соблюдение системы хранения и консервации ценностей Галереи сохраняется за Вами и Овчинниковым. ВКИ дает руководителям филиала указания [в] этом направлении. <...> Зам. директора Буш»¹⁵. С мая 1942 года М.М.Колпакчи и И.В.Овчинников были зачислены в штат филиала ГТГ, как «обслуживающие часть фондов ГТГ в ГРМ»¹⁶.

Все меньше оставалось сотрудников в штате Третьяковской галереи. В связи с эвакуацией музея уже летом по статье № 47 их значительно сократили. Многие ушли на фронт.

Осенью 1941 года в Москве было тревожно. В середине октября вышло секретное распоряжение зам. председателя Совета по эвакуации А.Н.Косыгина о незамедлительном вывозе из Москвы в первую очередь деятелей науки и искусства. Небольшими группами в разные дни в Новосибирск уезжали еще пятнадцать сотрудников Третьяковской галереи, многие – с близкими родственниками. Везли и ценный груз – дополнительные материалы, необходимые в научно-популярной и выставочной деятельности.

В связи с создавшимся положением в Москве, вывоз основной коллекции приостановили. Наконец, в декабре в Галерею пришла телеграмма с уведомле-

нием: «Во 2-ую декаду 1941 г[ода] Комитет по делам искусств предоставляет Вам совместно с Музеем им. Пушкина и Музеем нового западного искусства 2 (два) вагона в город Новосибирск – для эвакуации имущества и ценностей вашей организации». На документе представлена дата получения «11/XII 41»¹⁷. По официальным данным, 25 ноября состоялась третья очередь эвакуации произведений искусства из собрания Третьяковской галереи в Новосибирск. Вывезли еще 108 ящиков¹⁸, из которых 4 – принадлежали Музею-заповеднику «Архангельское».

Сопровождали груз зам. директора С.И.Пронин и ответственная за хранение художественного запаса Софья Иннокентьевна Битюцкая. Сохранился акт с выцветшим машинописным текстом на грубой сероватой бумаге с утверждающей визой М.Г.Буш от 3 января 1942 года (к тому времени она уже была зам. директора филиала в Новосибирске) о благополучно доставленном грузе. С.И.Пронин вернулся в Москву, а С.И.Битюцкая осталась в штате филиала в качестве хранителя (позднее – главного хранителя). Примерно к этому времени в основном сложился коллектив филиала из 29 человек, о чем говорит редкий документ – «Число и квалификация, эвакуированных сотрудников в филиале Государственной Третьяковской галереи»¹⁹. В нем упомянуты директор филиала ГТГ А.И.Замошкин; заместитель директора по научной части М.Г.Буш; директор Музея нового западного искусства А.И.Леонов; старшие научные сотрудники: хранители В.А.Сидорова, Н.В.Черкасова, П.И.Ломакин, С.И.Битюцкая, исполняющий обязанности профессора Н.Д.Моргунов, исполняющая обязанности профессора О.А.Ляскова, Ф.С.Мальцева, О.С.Живова, З.Т.Зонова, Н.Е.Мнева, В.Ф.Румянцев, Э.Н.Ацаркина (эвакуирована от Дирекции выставок и панорам, зачислена в штат филиала); научные сотрудники Е.Ф.Каменская, Е.В.Савелова; художники-реставраторы Е.В.Кудрявцев, К.А.Федоров, М.А.Александровский; главный бухгалтер Э.Н.Громцов; главный инженер Л.Э.Певзнер; заведующая снабжением и складом П.В.Каршилова; заместитель заведующего отделом учета Е.П.Карпина; заведующий хозяйственной частью и командант А.И.Мартынов; начальник внутренней охраны В.М.Климов; музейно-технические рабочие Е.В.Полторацкая, Е.С.Михайлова. В основном на них лежала ответственность за сохранность вывезенных коллекций.

К концу 1941 – началу 1942 года в Оперном театре Новосибирска было сосредоточено огромное количество художественных и культурных ценностей мирового значения. Прибыли экспонаты ленинградских, горьковского, смоленского и сумского музеев. В фонды филиала были приняты произ-

Выставка к Ленинским дням в ДOME Красной Армии, Новосибирск.1942

The exhibition of painting, drawing and sculpture marking the anniversary of Lenin's death at the Regional House of the Red Army, Novosibirsk. 1942

still under construction. It was also called the House of Science and Culture at the time, situated at 38 Krasny [Red] Prospect.

At first, they stored the works on the ground and first floors. The first floor was assigned for canvases, pastels, gouaches and drawings as well as for restoration work. At the same time the museum's storage had to be isolated from the stage and auditorium of the theatre building. As soon as the group had settled down in Novosibirsk, from the very first days routine museum work commenced: everyday rounds of the storage, round-the-clock duties, opening the crates and examining the condition of the works of art.

While Zamoshkin was at the head of the Tretyakov Gallery branch in Novosibirsk, the Gallery in Moscow was led by his deputies Milda Bush and Stepan Pronin.

Later in July the air raids on Moscow became more and more regular. The air-defence teams were on duty day and night. Their main fire-bomb-fighting instrument was the so-called “golden sand”, or bank sand, indispensable for putting out a possible fire. The first such “incendiary” hit the gallery room with the Nikolai Ghe collection. Despite the coverage of anti-aircraft batteries, two demolition bombs crashed into the Gallery's main building on the night of 11 August 1941. Yelena Kamenskaya, the museum worker who was one of the team on duty that night, will never forget that dramatic event: “... plangent and canorous was the sound of the dropped bomb ... it crashed thudding and pounding through the asphalt outside the Gallery's front door and exploded underground, in the cloakroom in the basement ... In a few seconds another, more thudding and powerful sound of the second bomb was heard ... coming down through the glass roof of the first floor; it landed in one of the rooms of 18th century art and exploded there...”¹³

The next day the Tretyakov Gallery counted the damage: the main entrance, the floors in the cloakroom of the basement, the glass roof, the floors and ceilings in some rooms were destroyed or badly damaged. The heating and ventilation did not work.¹⁴

The initial havoc made the officials hurry up with the arrangement of the second transport of works. This time, mainly pieces

⁵ Kuzakov, Sergei. “Operatsiya “evakuatsia”. Kak spasil muzei vo vremya voyny. [The Evacuation Operation. How Were Museums Rescued during the War].” In: Novoye Vremya, No. 19, 1997, pp. 40–41.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ The State Archives of the Russian Federation. For details see note 6 in the Russian.

¹⁰ Ibid.

¹¹ The Russian State Archives of Literature and Arts. For details see note 8 in the Russian.

¹² Alexandrovsky, Mikhail. “Memoirs.” In: Muzei [Museums], No. 3, 1982, p. 232.

¹³ Колпакчи М.М. Указ соч. С. 7.

¹⁴ ОР ГТГ. Ф. 106, ед. хр. 11410.

¹⁵ По отчетной сводной таблице было вывезено произведений живописи: XVIII–XIX вв. – 102, XIX–XX вв. – 246, советской – 12; скульптуры – 21; древнерусского искусства – 337; графики – 1576. Всего – 2294. Кроме того, было вывезено материалов архива – 276 (РГАЛИ. Ф. 962, оп. 6, д. 903, л. 57).

¹³ Kamenskaya, Yelena. “Vospominaniya o Galereye v dovoennyue I voyennye gody [Memoirs of the Gallery in the Pre-war Years and during the War].” Xerox copy of the manuscript in the archives of the Tretyakov Gallery. For details see the note in the Russian.

¹⁴ See: Kolpakchi, op. cit. note 1, p. 7.

¹⁴ Колпакчи М.М. Указ соч. С. 13.

¹⁵ ОР ГТГ. Ф. 194, ед. хр. 31.

¹⁶ ОР ГТГ. Ф. 8.X ед. хр. 1, л. 60.

¹⁷ ОР ГТГ. Ф. 8.I (1941), ед. хр. 3, л. 6.

¹⁸ По отчетной сводной таблице было вывезено произведений живописи: XIX–XX вв. – 30; скульптуры – 106; древнерусского искусства – 311; графики – 1463; работ из драгметалла – 1. Всего – 1911. Кроме того, было вывезено материалов архива – 3876 (РГАЛИ. Ф. 962, оп. 6, д. 903, л. 57).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 962, оп. 6, д. 903, л. 15.

Выставка «Лучшие произведения советского искусства» Новосибирск. 1942

At the "Best Works of Soviet Art" exhibition in Novosibirsk. 1942

from the Gallery's Reserve were to be moved from Moscow. Thus, in mid-August, a huge barge, said to have been built in 1913, set off down the Moskva River, with 85 safely-packed boxes full of works of art – paintings, sculptures, icons, drawings as well as the archives.¹⁵ Among them there were two large-scale works: Vrubel's panels and Mark Antakolsky's marble "Ivan the Terrible". Responsible for their transportation were Maria Kolpakchi and restorer Ivan Ovchinnikov.

They managed to reach Gorky (today, Nizhny Novgorod) where an art collection of the State Russian Museum, including the large-size "The Last Day of Pompeii" by Karl Brullov and "Brazen Serpent" by Fyodor Bruni, was taken on board. The barge went up the Kama River to its destination, the town of Molotov (Perm, today) and pulled over at the landing place on the high bank on 14 September. The collections were to be housed in the local picture gallery, but its director, Nikolai Serebrennikov, refused to close the permanent exhibition. The dispute was to wait for resolution at the level of the Committee; meantime the precious cargo had to remain on the barge. At last Serebrennikov agreed to host the collections of the Tretyakov Gallery and the Russian Museum. The other ones were sent further, to Solikamsk.

Only late in September, when it was dirty and foggy outside and either raining or snowing, were the crates taken from the barge to the Holy Trinity Cathedral, which had no heating. "Every day brought us

trouble or disappointment to which we could see no end," remembers Maria Kolpakchi. For example, they were told that there was neither a lorry, nor hands to transport "Ivan the Terrible". For five days "Ivan" stood lonesome on the bank, guarded only by Ovchinnikov and an old man with red beard who consented to keep vigil over the sculpture in exchange for bread: they had no choice but give him their daily ration.¹⁶ It was not until 18 October that a command from Moscow came, the local picture gallery was closed and the crates were moved to its rooms.

Right through to the end of the evacuation period Kolpakchi and Ovchinnikov worked in Molotov with the associated branch of the Russian Museum, headed by Pyotr Baltun. Their sole and prior responsi-

Пригласительный билет на выставку в ГТГ. Москва. 1943

An Invitation to the opening of the "Heroic Front and Reserve" exhibition at the Tretyakov Gallery. 1943

¹⁵ The Russian State Archives of Literature and Arts, op. cit, note 11.

¹⁶ See: Kolpakchi, op. cit, note 1, p. 13.

¹⁷ Archives of the Tretyakov Gallery. For details see note 18 in the Russian.

¹⁸ Archives of the Tretyakov Gallery. For details see note 19 in the Russian.

¹⁹ Kamenskaya, op. cit., note 13, p.10.

²⁰ Russian State Archives of Literature and Arts, op. cit., for detail see note 21 in the Russian.

²¹ Ibid.

bility were the Tretyakov Gallery exhibits according to a telegram of 1941 which runs: "Independent of name of branch responsibility for observation of conditions of storage and conservation of Gallery valuables remains yours and Ovchinnikov's... Signed by Deputy Director Bush."¹⁷ From May 1942 Kolpakchi and Ovchinnikov were officially enrolled on the staff of the Tretyakov Gallery branch, in charge of the Gallery's funds within the Russian Museum.¹⁸

Little by little the staff of the Tretyakov Gallery in Moscow trickled away. First, it was considerably cut down in summer 1941 due to the evacuation of the museum to other places. Then, a large group of the Gallery's workers joined up in the first days of war.

The autumn of 1941 was a troubled time in Moscow. Some members of the Gallery staff left for Novosibirsk; they also took with them some materials necessary to do research, to arrange exhibitions and popularize the collection of the Gallery. At the head of the group was Nikolai Morgunov, the famous historian of art. It took them three weeks to get to Novosibirsk, so difficult was the railway traffic in those days. "We were moving like in Catch-22," remembers Yelena Kamenskaya. "For the first day we managed to get from one side of Moscow to the other one."¹⁹ That, by the way, enabled Olga Gaponova, head of the library, to get off the train, as she decided not to leave Moscow.

In December a cable was received from the Committee for Arts stating that two cars in a train destined for Novosibirsk had been allocated for the Tretyakov Gallery, as well as for the Pushkin Museum of Fine Arts and the Museum of New Western Art.²⁰ The cargo, accompanied by Stepan Pronin and Sophia Bityutskaya, was delivered to Novosibirsk on 3 January 1942, completing the third stage of the evacuation of its collection. By that time the staff of the Novosibirsk branch of the Tretyakov Gallery numbered 29 people, all of them real professionals with great experience of work in the field.²¹

From late 1941 to early 1942 the Novosibirsk Opera House was a unique place where a huge number of artistic and cultural valuables of world importance were accumulated: exhibits from the museums of Leningrad, Gorky, Smolensk and the town of Sumy. There were also the cultural treasures from Ukraine, which had been previously evacuated to Abakan and then brought there.

In winter 1941, the thermometer often registered five or six degrees centigrade inside the Opera House. Besides working to improve and stabilize the temperature, and against the extreme seasonal dryness or humidity of the air, a time-consuming examination of the condition of the unique works of art went on. Taking into consideration the importance of such work Yevgeny Kudryavtsev, the chief Gallery restorer, was allowed to stay on to work in the Novosibirsk branch until practically the end of the evacuation period.

At the same time the Tretyakov

ведение украинских музеев, эвакуированные первоначально в Абакан.

Хранители и реставраторы, отвечая за сохранность доверенных им коллекций, сталкивались с весьма неожиданными ситуациями. Они боролись с молью, крысами, мышами, цементной пылью, протечками и бытовыми возгораниями у нерадивых соседей. Ловили неизвестных лиц, которые иногда проникали в запасники. Зимой 1941 года столбик термометра часто показывал +5–6°С. Помимо налаживания климата, ликвидации перепадов неимоверной сухости и влажности, продолжалась трудоемкая работа по обследованию состояния сохранности уникальных памятников.

В Москве 1941 года суровая зима наступила рано. В неотопляемой Третьяковской галерее был сильный холод, по залам гулял ветер. В щели залетал первый снег, несмотря на то что выбитые стекла в потолках верхнего этажа и в оконных проемах старались заделать фанерой. Тяжело в таких условиях хранить экспонаты. Скорее всего, именно в первой половине 1942 года было отправлено недатированное письмо С.И.Пронина и Е.В.Сильверсман к В.А.Шварикову, начальнику Управления учреждениями изобразительных искусств при СНК СССР, с уведомлением: «Государственная Третьяковская галерея препровождает к Вашему сведению количественную таблицу отправленного и оставшегося в Галерее художественного материала. Одновременно Галерея считает нужным обратить Ваше внимание на то, что среди оставшегося материала имеются также первоклассные, художественные произведения древнерусского искусства, как 3 фрески XI-го века, отсюда же, 8 фресок XVII века из Ярославля, несколько икон работы Рублева и т.д. Среди упакованной, но не вывезенной скульптуры остались в Галерее бронзовые скульптуры: М.Горький раб[оты] Мухиной? Петр I Антокольского, отдельные произведения Пименова, Гальберга, Коненкова, Трубецкого и др[угих].

Это обстоятельство заставляет Галерею обратить особое внимание на обес-

печение должной сохранности оставшегося художественного материала»²⁰.

Надо сказать, что вскоре после попадания бомбы в здание Галереи, была сделана попытка добиться разрешения на временное хранение крупногабаритной скульптуры в метро. Успехом она не увенчалась. Письмо Пронина и Сильверсман возымело свое действие, но только в сентябре 1942 года состоялась четвертая²¹, завершающая очередь эвакуации коллекций Государственной Третьяковской галереи. Из Москвы эшеломом отправили еще 205 ящиков в Новосибирск.

Помимо живописи, икон, скульптуры, графики, отдельно везли рамы. Об этом телеграммой ставил в известность А.И.Замошкина С.И.Пронин: «Четырнадцатого сентября отправил четыре вагона, одну платформу, диапозитивы, рамы. <...> Пронин»²². Груз сопровождали М.Ф.Савелов и И.К.Машков. На этот раз, помимо икон, живописи и графики, больше всего было вывезено произведений скульптуры. В здании Оперного театра для нее был специально выделен подходящий по размеру репетиционный (подвальный) зал.

А через месяц, в октябре 1942 года, с большим трудом налаженное хранение филиала оказалось в опасности. Областной комитет по делам искусств г. Новосибирска уведомил о своем решении не только поместить Белорусский оперный театр в том же здании, где находился и филиал ГТГ, но и разрешить представления. При наличии только одного входа музейные хранилища должны были соседствовать с учреждением массового, зрелищного характера (зал рассчитан на 2000 мест). Ведущий научный сотрудник Николай Сергеевич Моргунов 26 октября 1942 года отпра-

Сотрудники филиала ГТГ в Новосибирске. Стоят: П.В.Каршилова, З.Т.Занова, Н.В.Черкасова, Е.В.Журавлева, Е.В.Савелова, Е.П.Карелина, О.А.Живова, С.Н.Гольдштейн; сидят: О.А.Ляскова, Н.Д.Рудницкая-Моргунова, В.А.Сидорова, В.Ф.Румянцева, М.Г.Буш, С.И.Битюцкая, Е.Ф.Каменская. 1942

The workers of the Novosibirsk branch: (standing left to right) Karshilova, Zonova, Cherkasova, Zhuravleva, Savelova, Karpelina, Zhivova, Goldstein; (seated) Lyaskovskaya, Rudnitskaya-Morgunova, Sidorova, Rumyantseva, Bush, Bityutskaya, Kamenskaya. 1942

вил в Комитет по делам искусств взволнованное письмо с просьбой разобраться в правильности решения местных властей: «Прошу Вас <...> помочь в вопросе о хранении эвакуированных в Новосибирск историко-художественных ценностей центральных и местных музеев СССР <...> в одном громадном здании Дома науки и культуры (Красный проспект, 38), главная часть которого отведена будущему оперному театру, недостроенному до войны и находящемуся в состоянии консервации в течение ряда предшествующих лет. <...>

Здание имеет один только вход, как в хранилище, так и в театр. Полностью их изолировать невозможно <...>. В противопожарном отношении такой симбиоз чрезвычайно грозен. <...> В деле охраны в условиях войны от диверсантов, которые могут легко проникнуть, купив всего лишь театральный билет в общем с театром помещении хранилища – наше здание не даст никаких гарантий»²³.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 962, оп. 3, д. 1103, л. 12.

²¹ По отчетной сводной таблице было вывезено произведений живописи: XVIII–XIX вв. – 206, XIX–XX вв. – 385, советской – 182; скульптуры – 290; древнерусского искусства – 865; графики – 263; работ из драгметалла – 2. Всего – 2193 (ОР ГТГ. Ф. II (1943–1944), ед. хр. 24, л. 11).

²² ОР ГТГ. Ф. 8, ед. хр. 10, л. 52.

²³ РГАЛИ. Ф. 962, оп. 3, д. 1076, л. 31–31 об.

Возвращение художественных произведений в Москву. 1944

The Gallery's Central Entrance. The exhibits return to Moscow. 1944

Новосибирский Облисполком на стоял на своем решении. Срочно пришлось перемещать ряд запасников, строить новые перегородки, издавать особые распоряжения, ужесточающие внутренний музейный распорядок А.И.Замошкин вскоре выехал в Москву. Одной из его задач было добиться от Комитета постановления о закрытии спектаклей. Только весной 1943 года он отправил телеграмму в Новосибирск: «Есть директивные указания прекращения деятельности театра»²⁴.

К середине 1943 года хранение филиала Галереи располагалось на всех этажах здания Оперного театра: подвальном (репетиционном), первом – в фойе, втором – в помещении, предназначенном для ресторана, над вестибюлем, на лестничной площадке и в коридоре третьего этажа. На четвертом этаже размещались экспонаты музеев республиканского значения.

Реставраторы тщательно следили за состоянием сохранности всех коллекций. В декабре 1942 года в Новосибирск командировали Степана Сергеевича Чуракова, как специалиста высокой квалификации, в помощь Е.В.Кудрявцеву и К.А.Федорову для сложнейшей реставрации страшно изуродованного, вывезенного в последнюю минуту полотна «Севастопольской панорамы» Ф.А.Рубо. Ежедневные наблюдения за многотысячным собранием уникальных фондов дали новый материал в разработке проблемы реставрации и длительной консервации различных произведений искусства – от папирусов, восточных масок, древнерусских икон до современной живописи, графики и скульптуры.

Как и в далеком тылу, в Москве в Третьяковской галерее по-прежнему назначали хранительские дежурства, проводили ночные обходы. Вот как о них вспоминал старший научный сотрудник Серафим Николаевич Дружинин:

«Зима 1941–1942 года. Ночь. Сегодня тихо, радио молчит, ни тревог, ни отбоев. Скоро два – пора в обход. Мой напарник по ночному дежурству –

Андрей Григорьевич Догадин. <...> Идем с ним в обход по пустым, гулким залам.

На улице нынче лютый мороз – за тридцать. А когда идешь ночью по Галерее, кажется, что все шестьдесят. <...> По мере сил потолки латают фанерой, днем от нее темно, а ночью при ветре она трясется и словно стучит зубами от холода. <...>

По перекинутым доскам гуськом переходим разоблеченный зал (первый налево от верхней площадки главной лестницы). Под нами черный провал.

Далее идти спокойно, лишь хрустнет иногда под ногой осколок стекла или зашуршит сухой снежок (в зале Перова его намело полный угол, пока мороз – это не страшно)²⁵.

Такой была Галерея в первый год войны. Несмотря на то что за 1941 – 1942 годы всего было вывезено (без учета библиотечных и архивных материалов) более 18 000 произведений, окончательно она не опустела. В Лаврушинском переулке осталось немногим более 27 000 экспонатов²⁶. На протяжении 1941–1943 годов велась кропотливая работа не только по хранению этих произведений, но и по учету, систематизации и размещению нескольких тысяч художественных рам и подрамников от вывезенных картин. Организатором и душой оставшегося маленького коллектива всегда была главный хранитель Елена Владимировна Сильверсван, по натуре заботливый и доброжелательный человек. Чудом сохранилось ее письмо к А.С.Галушкиной от 14 августа 1942 года, в котором есть редкое упоминание о повседневной жизни галерейских сотрудников в тяжелый первый год войны: «Все мы, сдавшиеся, как-то очень сжились и сдружились за эту

Gallery's main base in frost-stricken Moscow of 1941 had a miserable appearance, with its shattered glass roof and windows open to the icy wind. There was an attempt to shutter the roof and windows with veneer but it proved of little effect. It was difficult to conserve the exhibits in good condition under the circumstances. So, it must have been at some date in the first six months of 1942 that the two Gallery principals, Pronin and Silversvan, addressed Shkvarikov, Head of the Administration of Fine Arts Institutions attached to the Council of People's Commissars, a letter containing a table and description of the Gallery stock both evacuated and left behind in Moscow. The letter was to draw the attention of the bureaucrat to the remarkable items, such as 11th century murals and icons, including some by Andrei Rublev, sculptures by Mukhina, Antakolsky, Trubetskoy and Konenkov, which were being kept in improper conditions.²²

True, there had been an attempt, made shortly after a bomb hit the Gallery, to receive authorization to keep the large-size sculptures temporarily in underground stations, but to no result. The appeal in the above-mentioned letter, surprisingly, was heard and in September 1942 the fourth evacuation of the Tretyakov Gallery treasures started. The destination: Novosibirsk.²³

Beside paintings, icons, sculptures (which were the most numerous part of the evacuated stock) and drawings, the cargo contained frames.²⁴ The sculptures were placed in the spacious rehearsal room in the basement of the Opera House.

Thus, the number of works of art, not counting library books and archives, which were evacuated for the Gallery during World War II, reached 18,399 pieces.

Not that it left the rooms of the Tretyakov Gallery on Lavrushinsky Pereulok empty: as before the war, the practice of daily routine duties and night inspections went on – there were no less than 26,784 valuable exhibits left.²⁷ For two years, from 1941 to 1943, Gallery workers were busy not only looking after the works of art left, but also scrupulously registering, systemizing and keeping safe and in order a few thousands unique frames and canvas-stretchers for the paintings evacuated. The small group of workers, mostly elderly women, who stayed

Распаковка ящика с картинами, прибывшими из эвакуации. ГТГ. 1944

Unpacking the boxes with the paintings which arrived from evacuation. State Tretyakov Gallery. 1944

behind, was well-knit. They were sisterly, charitable and thoughtful of others.²⁸ They lived with news coming from the front and from their colleagues working in the regional branches. Some news was sad: their co-worker Silayev was dead; Fyodor Sokolov, Mikhail Panin and Vasily Kavkazsky were the first to be killed in action. Dmitry Bassalygo was wounded and sent to hospital for convalescence in Tashkent, but on the way he came to visit the Gallery – good news. With the appointment of Stepan Pronin to head the Gallery, its activity boosted; he was full of new plans and ideas trying to revitalize the Gallery's war-weary organism, to breathe life and enthusiasm into its war-worn workers.

Simultaneously, in the centre of the country, the curators and restorers were fighting against uncommon enemies: moths, rats, mice, cement dust, leakage from the heating and water supply systems, inflammation caused by the wrong use of household devices in neighbouring rooms belonging to the theatre. The gallery workers had to guard their stock from intruders who showed up occasionally. But the most serious trouble came in the autumn of 1942 when the Regional Committee for Arts decided to accommodate the Belorussian Opera House in their venue. The Tretyakov Gallery branch found itself in a situation of either having to move to another building, or to share the territory with a mass entertainment company (the auditorium seated 2,000 people). In September, despite the loud protests of Moscow's Committee for Arts, the Novosibirsk Regional Executive Committee insisted on their decision. As soon as the performances commenced, the Gallery storage was put under real peril; urgently, part of the reserve had to be moved to another place, while new temporary walls had to be built, and regulations made stricter. The administration of the branch did not stop sending protests to the authorities.²⁹ Performances in the Novosibirsk Opera House were brought to a halt thanks to Mikhail Khrapchenko who had to solve the matter in the government.³⁰ By mid-1943 the building of the Opera House was shared, beside the Tretyakov Gallery branch, by the troupe of the Novosibirsk Opera, a concert tour agency, a theatre school, a Tonfilm storage, an Electromontage storage, an Avioglavsnab storage, Mechanical and Smithcraft plant No.5. The latter seems to have been of military purpose. The list shows how difficult and tense the life of Gallery workers was in such conditions. At least, in 1943, the Gallery had its reserves on all three floors of the building.

The restorers attended to the safety of all the collections. In December 1942, Stepan Churakov, an expert known for his accomplishment in the field, arrived to assist Kudryavtsev and Fedorov in the very difficult job of restoring the utterly disfigured canvas of the "Defence of Sevastopol" panorama by Franz Roubaud that had been rescued from the Black Sea stronghold at the last minute. Everyday examination of the many-thousand-piece collection enhanced the research

workers' experience, and helped to develop new ways of restoration and conservation for different kind of works of art – from papyri, Oriental masks and ancient Russian icons to modern paintings, sculptures and drawings.

Back in Moscow, the Tretyakov Gallery started to show its collections again despite the severe cold winter and the damages that its building had suffered. It was as soon as late 1941 that a small group of museum workers headed by Herman Zhidkov and Stepan Pronin, in collaboration with workers of the Pushkin Fine Arts Museum started preparations for the exhibition "Works by Moscow Painters during the Great Patriotic War" which was held at the Pushkin Museum 15 July to 15 September 1942. Although it was smaller in scale than those of pre-War years, the work accomplished deserved great praise, for it became the first large exhibition (with even a catalogue published) since the beginning of the conflict.

The rebuilding of the Gallery began in 1942: the heating and ventilation were repaired. By the autumn the windows and lanterns had been paned in 13 rooms, the parquet floor mended, and the walls painted. "Repaired like in pre-War time," wrote Stepan Pronin proudly.

On 7 November the restored rooms welcomed visitors to the first nation-wide art exhibition "The Great Patriotic War". Practically all staff of the Tretyakov Gallery took part in the organization of that show, including its regional branches (Alexander Zamoshkin was a member of the selection committee). The Direction of Art Shows and Panoramas as well as the Fine Arts Museum were among the organizers. The opening of the exhibition became a major event in the cultural life of the country, still at war; it even appeared in news film, while newspapers wrote about the exhibition. For three days the Association of Soviet Artists discussed the exhibition. The catalogue of the show was released by the Gallery's publishing house only in 1943.

Before and during the War the Tretyakov Gallery was the leading centre for the study of art history. In 1942 Gallery workers continued working on the six-volume "History of Russian Art" which, after the war, was taken over by the Institute of Art History named after Igor Grabar.

Повеска картины И.Е.Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». 1945

Hanging of Ilya Repin's canvas "Ivan the Terrible and His Son Ivan. 16 November 1581". 1945

Archives of the Tretyakov Gallery. For details see note 30 in the Russian.

Russian State Archives of Literature and Arts. op. cit., note 9.

Archives of the Tretyakov Gallery. For details see note 27 in the Russian.

Повеска картины В.И.Сурикова «Боярыня Морозова». 1945

Hanging of Vasily Surikov's painting "Boyarinya Morozova". 1945

зиму, очень помогали друг другу в случае необходимости и жили общими интересами. <...> Из моих при мне остались – Лиза, Михаил Наумович, Анна Мейеровна и Наталья Иосифовна – очень дружная и хорошая компания, сидим все у меня в отделе, зимой кругом печки-временки, а летом, очевидно, вокруг меня»³¹.

Несмотря на лютый холод и разрушения, в Третьяковской галерее вскоре возродилась выставочная деятельность. Небольшой коллектив уже к концу 1941 года начал подготовку выставки «Работы Московских художников в дни Великой Отечественной войны». Вот как о ней сообщала Е.В.Сильверсван А.С.Галушкиной: «Недавно устроили, совместно с МИИ неполную выставку работ Московских художников. Выпустили к ней каталог, работали очень напряженно и, должна сказать, что несмотря на небольшой объем (по сравнению с нашими) выставки – трудов, при настоящих условиях, она нам стоила больше, а также затрат времени, но результат получился хороший»³². Выставка проходила с 15 июля по 15 сентября 1942 года в залах Государственного музея изобразительного искусства им. А.С.Пушкина. В начале второго полугодия 1942 года в штате Государственной Третьяковской галереи всего по списку было научных сотрудников: «1. Пронин [С.И.] – директор. 2. Феофанова А.В. – завед[ующая] метод[ическим] кабинетом. 3. Дружинин С.Н. – завед[ующий] кабинетом. 4. Савелов М.Ф. – завед[ующий] отд[елом] науч[ной] пропаганды искусства. 5. Зотов А.И. – завед[ующий] отделом. 6. Жидков Г.В. – завед[ующий] отделом фондов. 7. Сильверсван Е.В. – завед[ующая] отд[елом] учета и хранения. 8. Гапонова О.И. – зав[едующая] библиотекой. 9. Щекотова А.Н. – завед[ующая] архивом. 10. Рыбников А.А. – профессор. 11. Лебедев А.В. – профессор. 12. Архангельская А.И. – ст[арший] научный сотрудник. 13. Райхинштейн М.Н. – ст[арший]

²⁷ Речь идет о старших научных сотрудниках Галереи: хранителе драгметаллов Е.С.Медведевой, хранителе скульптуры М.Н.Райхинштейне, хранителе графики А.М.Лесков и Н.И.Ульяниной (ОР ГТГ. Ф. 4, ед. хр. 2897, л. 1 об., 2 об.).

²⁸ ОР ГТГ. Ф. 4, ед. хр. 2897, л. 1 об.

Первоначальный проект А.В.Щусева пристройки к Галерее. 1944

The initial project of Alexei Shchusev for the Gallery extension. 1944

научный сотрудник. 14. Медведева Е.С. – ст[арший] научный сотрудник. 15. Лесюк А.М. – ст[арший] научный сотрудник. 16. Бабкин С.Я. – главный художник. 17. Баранов М.А. – художник. 18. Сергиевская Н.Ю. – и[сполняющая] о[бязанности] председателя закупочной комиссии. 19. Воловов А.А. – экскурсовод. 20. Садовень В.В. – экскурсовод. 21. Антонов [И.С.] – хранитель рам»²⁸.

В 1942 году начали восстанавливать здание Галереи. Починили отопление и вентиляцию. К осени во многих залах остеклили фонари и окна, привели в порядок паркет, окрасили стены.

7 ноября в отреставрированных залах открыли первую всесоюзного значения выставку «Великая Отечественная война». Подготовка велась силами почти всего научного коллектива Третьяковской галереи. Открытие явилось грандиозным событием в культурной жизни страны.

В 1942 году в Галерее возобновилась деятельность Кабинета истории русского искусства, в работе которого принимали участие, помимо сотрудников музея, лучшие специалисты Москвы. В конце 1943 года Краткая история русского искусства была выполнена на 50%. Сданы рукописи М.В.Алпатовым, Н.И.Бруновым, Н.Н.Коваленской. Для первого тома шеститомного издания Истории русского искусства сданы рукописи А.Н.Свириным, Н.Е.Мневой, М.В.Алпатовым, Н.И.Бруновым, М.А.Ильиным, Е.С.Медведевой и Н.И.Ворониным. Работа по тому, посвященному древнерусскому искусству, была выполнена на 75%. После войны дальнейшую разработку этой большой темы передали Институту истории искусств АН СССР.

В 1942 году отметили первую большую дату за время войны в жизни Галереи – 50-летие со дня передачи П.М.Третьяковым своей коллекции городу Москве. В центральных газетах вышли интереснейшие статьи А.И.Архангельской, Г.В.Жидкова и других, посвященные

этому событию. Был выпущен альбом репродукций из живописного собрания Государственной Третьяковской галереи.

Выставочная деятельность филиала ГТГ в Новосибирске имела свою особенность. За неимением достаточного места в Оперном театре выставки приходилось устраивать в разных помещениях: первая прошла в новосибирском окружном Доме Красной Армии (3 – 18 января 1942 года) – Московские «Окна ТАСС», там же следующая (21 января – 2 февраля) – выставка произведений живописи, графики и скульптуры к Ленинским дням. В январе небольшая выставка этюдов и эскизов В.И.Сурикова в здании, в котором временно разместилась Ленинградская государственная филармония. Она была показана в связи с докладами О.А.Лясковской и Н.С.Моргунова о выдающемся русском художнике.

Планировали не только экспозиционную работу, но и издание выставочных каталогов. Так, М.Г.Буш в письме от 16 декабря к М.М.Колпакчи явно запрашивала каталожные сведения, упоминая о «дерзких» перспективных планах: «Дорогой друг, Мария Модестовна, только что получила Вашу телеграмму от 7/ХII. Ваш ответ несколько туманен: "переведу исправления с оригинала живописного каталога, немедленно вышлю". <...> Спешим так потому, что (очень дерзко для новосибирских условий) пока что планируем 5 выставок на 1942 год, 2 советские – одна из лучших произведений здесь на месте, другая из наших картин и произведений "Индустрии социализма"²⁹. Первая наиболее значительная выставка «Лучшие произведения советского изобразительного искусства» открылась в мае 1942 года в зале заседаний Новосибирского горсовета. Выпустили и каталог.

Своеобразной характеристикой выставочной деятельности в Новосибирске может служить и письмо А.И.Замошкина к М.М.Колпакчи: «Простите, что долго не писал – уж очень суматошная у нас была

In 1942 the Gallery saw another glorious jubilee – the 50th anniversary of the date of Pavel Tretyakov's donation of his collection to the city of Moscow. The national papers published very interesting articles by Antonina Arkhangel'skaya and German Zhidkov devoted to that event, while a special album illustrating the Gallery's collection of paintings appeared.

The Novosibirsk regional branch of the Gallery also organized exhibitions, but for the lack of space in the Opera House they were shown in other places. The first was arranged in the Novosibirsk House of the Red Army (3–18 January 1942). It was dedicated to Moscow's "Windows of TASS". Further followed, whose posters have survived. As another activity that the Gallery had always been involved in was publishing catalogues for the exhibitions they organized, there was a very busy correspondence between the centre and its branch for catalogue information that they, in Novosibirsk, lacked. From the letters we learn that there were plans to show five exhibitions in 1942.²⁹ The first of them, "Best Works of Soviet Fine Art", opened in the auditorium of the Novosibirsk Town Hall in May 1942. It was the most important and representative show which, according to its catalogue, included paintings by Mikhail Nesterov, Alexander Gerasimov, Boris Ioganson, Martiros Saryan, Igor Grabar, Irakli Toitze, Kukuryniksy, Pavel Sokolov-Skalya, as well as sculptures by Vera Mukhina and Nikolai Tomsky.

In autumn 1942, as had been planned, the branch opened the exhibition "Russian Realist Art of the 18th–20th Centuries" in the venue of the Opera House and Siberians were able, for the first time in their history, to see major canvases from the Tretyakov Gallery collection, including masterpieces by Vladimir Borovikovskiy, Ilya Repin, Vasily Surikov, Viktor Vasnetsov and the sculptures by Fyodor Shubin.

During the period of late 1941 to the autumn of 1944 the Gallery's Novosibirsk branch showed about 20 exhibitions which were attended by over 500,000 people. For most there were published catalogues, published on coarse grey paper, the result of the intense work of the exhibition team: A.I. Leonov, Milda Bush, Esfir Atsarkina as well as Sophia Goldstein and Yelizaveta Zhuravleva who joined the team later, in summer 1942. Their permanent advisers and art experts remained Nikolai Morgunov and Olga Lyaskovskaya.

It was in May 1942 that the enormous work of developing exhibition activity and boosting artistic propaganda by the research workers of the Tretyakov Gallery branch, and Alexander Zamoshkin personally, received a special mention in the decree of the Committee for Arts. Their experience was recommended for adoption by other evacuated museums.

Along with that kind of activity both the Gallery in the capital and its branches in

Novosibirsk and Molotov were involved in a public education programme. From the very first days of the evacuation lectures were read in "agit"-centres at railway stations, in military units, hospitals, in schools and collective farms during the harvesting and seeding time. Lectures, presentations and discussions were not only held in Moscow and Novosibirsk, but also in Tomsk, Solikamsk, Krasnoyarsk, Molotov and surrounding areas.

During the evacuation period the staff of the Novosibirsk branch gave 1,500 lectures on Russian art which were attended by over 80,000 people. Later the idea of wandering exhibitions took root and 23 sets of exhibits were prepared for such shows, two of which were meant to be shown exclusively to soldiers at the front.

Throughout the long months of evacuation the museum workers never ceased their research and in Moscow, Novosibirsk or Molotov. Four dissertations were defended. Yevgeny Kudryavtsev completed a bulky oeuvre, a practical course of painting restoration³⁰ – a timely subject, considering how many works of art would need restoration after having been moved from their usual place.

But life in evacuation was far from easy: a cold climate, bad living conditions, malnutrition and worksheets for logging or harvesting, which were obligatory for all – from director to ordinary worker. In war time there was nothing unusual in that.

The year 1943 was critical in the history of the Great Patriotic War. The defeat of the Nazis at Stalingrad boosted the activity of the Tretyakov Gallery both in Moscow and in Novosibirsk. It brought about a dramatic change in Alexander Zamoshkin's personal career too, for in the spring he was summoned to the Kremlin where Voroshilov made him a proposal to organize an unusual exhibition, a show of captured German armaments and materials to be held in Gorky Park in Moscow.³¹ Machine-guns, long-range guns, smaller tanks, Messerschmitt and Junker aircraft and heavy tanks were to be placed on the park embankment of the Moskva River. "Oh, if you only knew our feelings when we were working on this exhibition! It was as if we could hear the flutter of the wings of Victory!" wrote Zamoshkin in 1976. In the event of good organization of the military show Zamoshkin bargained for the opera performances to be ended next to the Tretyakov Gallery reserves in Novosibirsk – and they were. But the story was not that simple. Few people know that on the night before the opening of the exhibition that was composed so that the large war-like engines followed small arms, the exhibition site was visited by Stalin, according to Zamoshkin's daughter-in-law. Without saying a word, he went round the exhibition, and only getting into his car said: "Everything the other way round." Words cannot describe what the organizers felt at the moment. The people worked like mad all

Пригласительный билет на открытие ГТГ. 1945

An invitation to the Tretyakov Gallery Opening Ceremony on 17 May 1945

обстановка в филиале. Выставка сменяет выставку. Пышалаем людей в командировки по Сибири за картинами для выставки на темы Великой Отечественной войны. Организуем выставку русского реалистического искусства. Леонов уехал в Москву за рамами для этой выставки...»³¹. Как планировали, осенью 1942 года, потеснив один из запасников, в Оперном театре открыли выставку «Русское реалистическое искусство XVIII–XX веков». Впервые на сибирской земле были показаны художественные произведения из основного собрания Третьяковской галереи. Зрителей знакомили с шедеврами В.Л.Боровиковского, И.Е.Репина, В.И.Сурикова, В.М.Васнецова, И.И.Шишкина, Ф.И.Шубина.

В том же году в Новосибирске филиал Галереи совместно с сибирскими художниками устроил отчетную выставку «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны».

Учитывая непригодность зданий, научные сотрудники филиала всегда исполняли обязанности или постовых-дежурных, или консультантов-экскурсоводов; реставраторы ежедневно следили за температурно-влажностным режимом.

В общей сложности, с конца 1941 по осень 1944 года филиалом было организовано около 20 выставок, которые посетили свыше 500 000 человек. Многие выставки сопровождалась каталогами,

изданными на грубой серой бумаге. Основными работниками выставочной группы были А.И.Леонов, М.Г.Буш, Э.Н.Ацаркина. Несколько позднее к ним присоединились С.Н.Гольдштейн и Е.В.Журавлева, приехавшие в филиал летом 1942 года. Неизменными консультантами оставались Н.С.Моргунов и О.А.Лясковская.

Уже в мае 1942 года специальным приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР была отмечена большая работа по расширению выставочной и художественно-пропагандистской деятельности научных сотрудников филиала Галереи и его организатора-руководителя А.И.Замошкина. Предлагалось также всем эвакуированным музеям учесть и перенять этот положительный опыт. Многие сотрудники филиала за отличную работу Комитет награждал почетными грамотами.

Одновременно с хранительской и выставочной деятельностью в Третьяковской галерее, а потом и в филиале велась напряженная просветительская работа. С первых дней войны проводились лекции и беседы в агитпунктах на вокзалах, в воинских частях, в госпиталях и школах, в колхозах на уборочных полях и во время посевной. В Москве настоящими подвижниками были опытные экскурсоводы А.А.Воловов и В.В.Садовень. В Новосибирске почти все научные сотрудники были задействованы в этой работе, но самые энергичные и талантливые – лекторы Н.С.Моргунов и Н.Д.Рудницкая-Моргунова.

На протяжении долгих военных месяцев в Москве, Новосибирске и Молотове (Перми) не прекращалась индивидуальная научная деятельность: Э.Н.Ацаркина, З.Т.Зонова, О.А.Лясковская, Н.Е.Мнева защитили кандидатские диссертации. Во время эвакуации Е.В.Кудрявцев закончил большой труд – практическое пособие по реставрации³².

Вся работа требовала огромного напряжения. Обязательными были наряды на лесозаготовки, торфоразработки, осенние уборочные, которые охватывали всех – от директора до рядовых сотрудников. Холод, недоодевание, скверные бытовые условия, конечно же, сказывались, как и усиливающаяся тоска по Москве, родному дому. Нелегкая жизнь военного времени отразилась в письме Е.В.Сильверсван к А.С.Галушкиной: «Я переписываюсь почти со всеми сотрудниками и в Новосибирске, и уехавшими самостоятельно. Никто особенно не доволен своим устройством, но по всему вижу, что в Новосибирске живут вполне прилично, поэтому всем советую в Москву не стремиться, а сидеть пока спокойно на месте – от добра, добра не ищут. Главный мотив всех писем – это тоска о Москве, вполне мне понятная, но все-таки надо переждать, плохо ли, хорошо ли все устроены, а в Москве это все не так легко и не так просто, как кажется издали»³³.

²⁸ Russian State Archives of Literature and Arts. For details see note 33 in the Russian.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 962, оп. 6, д. 903, л. 46.

³⁰ ОР ГТГ. Ф. 194, ед. хр. 30, л. 1.

³⁰ Kudryavtsev, Yevgeny. *Tekhnika restravratsii karlin [Techniques of the Restoration of Paintings]*. Moscow, 1948.

³¹ Archives of the Tretyakov Gallery. For details see note 36 in the Russian.

³¹ ОР ГТГ. Ф. 194, ед. хр. 62, л. 1.

³² Кудрявцев Е.В. *Техника реставрации картин*. М., 1948.

³³ ОР ГТГ. Ф. 4, ед. хр. 2897, л. 2–2 об.

В день открытия Галереи после эвакуации. 17 мая 1945

Lavrushinsky Pereulok. The opening of the Gallery after the re-evacuation

night, and the exhibition opened on time.

As the former personnel were coming back – some from evacuation, others from the front, the Gallery found it possible to organize more exhibitions. The All-Union “Heroic Front and Reserve” became a large project. It was open in Moscow from November 1943 to October 1944. Practically all the shows were illustrated and popularized by catalogues.

The centenary of Ilya Repin was widely celebrated in 1944. Beside the exhibition in Moscow anniversary conferences were held in Moscow and in the town of Chuguev, in the Kharkov region, from where the artist originated. Since the front was moving further and further to the West, ties and exchange between the centre and its branches were becoming easier and more regular. One of Kudryavtsev’s telegrams from Novosibirsk dated 7 July 1944 runs: “Atsapkina sent baggage Repin on the fourth by train car 87”

In 1943 the Gallery started preparatory work for recovering the evacuated collections. The art historians and restorers raised the question of making a new Tretyakov Gallery permanent exhibition and of allocating the half-ruined (because of bombing) building of an art school to a permanent exhibition of Soviet-era painting.

The problem was rather pressing, since the collection of Soviet art had grown considerably over the past few years. Early in October 1944 came a government decree sanctioning construction during 1944–45 of a new pavilion attached to the main Gallery building – an unprecedented decision at a time when the war still continuing. In the Tretyakov Gallery Manuscript Department there is the initial project of the architect Alexei Shchusev, while the final one was not officially approved until 1946. Meantime, the church of the former Marfo-Mariinky Cloister of Mercy on Ordynka Street was allocated for the Gallery’s reserve storage.

On 9 October 1944 the Committee for Arts issued Resolution No. 545 that allowed the return of art collections to the museums of Moscow and the Moscow region. Conse-

quently, 30 workers of the Gallery branch in Novosibirsk were authorized to return to Moscow.

In November 1944, 41 boxes arrived from Molotov at the Kazan station in Moscow, followed by 572 crates from Novosibirsk a fortnight later.

Their arrival was awaited: a couple of days before the event the temperature in the Gallery rooms was especially lowered to five degrees centigrade to eliminate any sudden drop. The boxes were opened only a few days later to allow the paintings, which came from a cold wet climate, to adapt to the new atmosphere of a dry, warm room. At last the boxes were opened and the canvases unrolled. None of the paintings was damaged. Even Repin’s “Ivan the Terrible and His Son Ivan 16 November 1581” that had always been threatened with crumbling of its paint layers showed no signs of decay; it had been packed between two sheets of plywood, planked with veneer and cased with shock absorbers inside.

The ceremonial opening of the Tretyakov Gallery took place on 17 May 1945. From early morning a large crowd filled Lavrushinsky Pereulok, with representatives of the city’s diplomatic corps, the military, distinguished scientists, and well-known authors, famous actors, painters and sculptors. The ceremony started in the Surikov room at one o’clock in the afternoon, and a sense of general elation was felt when Igor Grabar addressed the audience. “The opening of the Tretyakov Gallery is a true festival of Soviet art”, he said.²² It was the first of the national museums that reopened after the war.

The damage suffered by the Tretyakov Gallery as a result of the Nazi invasion, including ruined buildings, destruction and harm to property came at a cost of 3,182,635 roubles (at the rates of 1945). Expenses caused by the evacuation and return of its collections were set at 3,349,920 roubles.

²² Grabar, Igor. Prazdnik russkogo iskusstva [The Festival of Russian Art]. In: The Trud, 18 May 1945.

²⁴ ОР ГТГ. Ф. 8.Х. ед. хр. 37, л. 50.

Наступил переломный 1943 год в ходе Великой Отечественной войны. Разгром фашистов под Сталинградом сказался на всей деятельности Третьяковской галереи в Москве и филиала в Новосибирске. Коснулся он и А.И.Замошкина. Весной его вызвали в Кремль, к Ворошилову и предложили принять участие в организации «непрофильной» выставки немецкого трофейного оружия в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького. В Новосибирск полетела телеграмма: «Приеду начале июля задержался организации выставки трофейного искусства вооружения Замошкин»²⁷.

Постепенно увеличивался научный штат Третьяковской галереи. Вернулись работавшие в других местах научные сотрудники Н.Г.Галкина, И.Д.Емельянова, В.В.Ермонская, Н.Ю.Зограф, О.П.Лазарева, М.Н.Любимова, С.А.Кузнецова, М.Г.Наумова, М.М.Эпштейн и другие. Приехали из эвакуации А.С.Галушкина и И.А.Либерфорфт. Активизировалась выставочная деятельность объединяющего всесоюзного масштаба. Весной 1943 года в залах Галереи посетители увидели полотна азербайджанских мастеров. В 1944 году открылись выставки армянских, а затем белорусских художников. Самой грандиозной и значительной явилась Всесоюзная художественная выставка «Героический фронт и тыл», которая проходила в Москве с ноября 1943 по октябрь 1944 года. С 1943 по 1944 год одна за другой в стенах Галереи состоялись персональные выставки старейших художников – «Творчество шести мастеров» (П.П.Кончаловского, В.И.Мухоморова, С.Д.Лебедевой, С.В.Герасимова, А.А.Дейнеки и Д.А.Шмаринова); выставка произведений Кукрыниксов (М.В.Куприянова, П.Н.Крылова, Н.А.Соколова), М.И.Авилова, В.В.Машкова, Г.К.Савицкого, В.Н.Бакшеева, В.К.Бялыницкого-Бируля, И.Э.Грабаря, Е.Е.Лансера, И.Н.Павлова, К.Ф.Юона и Б.Н.Яковлева, П.Д.Корина, В.В.Крайнева, М.Д.Рындзюнской. Все выставки сопровождались каталогами.

Летом 1944 года широко отметили 100-летие со дня рождения И.Е.Репина. Помимо открытия выставки были проведены научные конференции, торжественные заседания в Москве и Чугуеве.

Чем дальше на запад продвигался фронт, тем свободнее шло общение между новосибирским филиалом и Третьяковской галереей. Выставки в Москве уже формировали с учетом эвакуированного собрания. В 1943 году были специально доставлены некоторые произведения Кукрыниксов, А.М.Герасимова и др. Привезли и несколько картин И.Е.Репина.

На протяжении военных лет в Москве реставраторы Галереи продолжали оказывать консультации другим музеям. В 1943 – 1945 годах в Третьяковской галерее появился новый род деятельно-

сти – всесоюзные и зарубежные командировки научных сотрудников и реставраторов по обследованию памятников культуры и причиненного им ущерба, в дальнейшем – и по их восстановлению. Летом 1945 года С.Н.Дружинин, С.С.Чураков и И.Ф.Иванов-Чуранов вошли в состав группы по спасению шедевров мирового искусства музеев Германии.

В дни войны продолжалось комплектование Третьяковской галереи. За 1941 – 1945 годы собрание увеличилось более чем на 1000 единиц. Среди современных произведений графики, скульптуры и живописи оно пополнилось и картинами старых русских мастеров: «Морской залив» (1900) И.К.Айвазовского, «Портрет А.А.Карзинкина» (середина 1890-х) А.Я.Головина, «Две дамы. 40-е годы» (1904, пастель, дар М.Д.Рындзюнской) Н.С.Гончаровой, «Портрет художника-миниатюриста М.М.Черкасова» и «Бедная Лиза» (1827) О.А.Кипренского, «Портрет Л.А.Бараш» (1854) В.А.Тропинина и «Заросший пруд у опушки леса. Сиверская» (1883) И.И.Шишкина. В 1943 году Третьяковской галерее для размещения художественных фондов передали бывшую церковь Марфо-Мариинской обители. К концу войны, как центральному музею страны, ей уже не хватало экспозиционных площадей. Назрела необходимость в очередной пристройке. В начале октября 1944 года последовало распоряжение правительства, разрешающее строительство нового корпуса при Галерее. В отделе рукописей ГТГ сохранился первоначальный проект (1944) А.В.Щулева. Официально он был утвержден только в 1946 году.

С 1943 года начали подготовку к возвращению всех вывезенных коллекций, разрабатывали рекомендации по упорядочению произведений. Е.В.Сильверсван и А.А.Рыбников принимали в этом активное участие. В том же году была выпущена «Инструкция по хранению художественных музейных ценностей в условиях военного времени Комитета по делам искусств при СНК СССР». При обсуждении этого важнейшего документа ведущие искусствоведы и реставраторы затронули вопрос о разветвлении новой постоянной экспозиции в Третьяковской галерее и, в связи с этим, о возвращении выданных в 1920 – 1930-е годы картин художников О.А.Кипренского и В.А.Тропинина, а также о передаче Галерее полуразрушенного (следствие бомбежки) здания художественной школы для размещения собрания советской живописи.

Срок возвращения в Москву зависел от состояния здания Государственной Третьяковской галереи. И хотя в 1944 году из 52 залов было отремонтировано только 40, инженеры-строители, осмотрев его, пришли к выводу о возможности возвращения коллекций. 9 октября 1944 года Комитетом по

Торжественное открытие Третьяковской галереи в зале В.И.Сурикова. 17 мая 1945

The Tretyakov Gallery Opening Ceremony in the Vasily Surikov room on 17 May 1945

делам искусств был издан приказ № 545 «О эвакуации и мерах по обеспечению сохранности при ее проведении художественных коллекций музеев г. Москвы и Московской области». 30 октября тридцать сотрудников филиала ГТГ получили пропуск на въезд в Москву.

В ноябре на Казанский вокзал прибыл 41 ящик из г. Молотова, а через две недели еще 572 ящика из Новосибирска с уникальными произведениями русской национальной сокровищницы.

За несколько дней до приезда лекции в здании Галереи снизили температуру до +5°С. Чтобы не было резких перепадов, ящики стояли нераспакованными несколько дней для адаптации художественных произведений, попавших из холодного, сырого климата в сухое теплое помещение. Наконец, раскрыли ящики и раскатали валы. Комиссия в составе представителей Комитета по делам искусств, ведущих реставраторов и искусствоведов Москвы нашла все экспонаты в отличном состоянии. Ничто не пострадало, даже картина И.Е.Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» с постоянно возникавшими осыпями красного слоя.

Одновременно с распаковкой продолжался ремонт залов: штукатурка стен, циклевка полов и остекление световых фонарей в потолочных проемах.

Сотни отреставрированных картин были натянуты на подрамники и вставлены в подновленные, покрытые бронзой рамы. Особенную трудность представляли для повески огромные полотна: А.А.Иванова – «Явление Христа народу (Явление Мессии)» и В.И.Сурикова – «Боярыня Морозова». Каждое поднимали и крепили к стене около 30 человек. Было заказано оформление пригласительных билетов и афиш ведущим художникам Москвы.

Развеска картин строилась на принципах преемственности высоких традиций русского искусства. В совет-

ском музееведении это было отличительным и новым поворотом. Из записки А.И.Замошкина и В.Г.Жидкова: «Творчески учитывая положительное из опыта прошлых экспозиций и отбрасывая негодное, работники Галереи должны были сейчас создать такую экспозицию, в которой русское искусство было бы достойно показано, как великое искусство великого народа, связанное с ним своими корнями, как искусство, имеющее свое национальное лицо и свои прекрасные традиции»²⁸. Экспозиция открывалась фрагментами мозаик киевского Михайловского монастыря, иконами «Владимирская Богоматерь», «Оранта». Специальный зал отвели творчеству Андрея Рублева. В 52 залах последовательно разместили произведения девяти веков – от древнерусского до современного искусства.

17 мая 1945 года состоялось торжественное открытие Государственной Третьяковской галереи. С утра огромная толпа заполнила Лаврушинский переулок. Были приглашены представители дипломатического корпуса, военные, ведущие ученые, писатели, артисты и художники. В 13 часов в зале В.И.Сурикова началось торжественное собрание. Радость и гордость переполняли сердца участников. Общее настроение передал в своем выступлении академик И.Э.Грабарь: «Открытие Третьяковской галереи – подлинный праздник советского искусства. Ее открытие – радость для всех трудящихся, всей интеллигенции, для художников, которым она нужна, как воздух, как дыхание, для любителей искусства»²⁹. После возвращения из эвакуации Третьяковская галерея оказалась первой среди центральных музеев, кто распахнул двери перед благодарной публикой.

Ущерб, причиненный фашистскими войсками Государственной Третьяковской галерее, составил в денежном эквиваленте 1945 года 3 182 635 рублей. Расходы, связанные с эвакуацией и реэвакуацией, – 3 349 920 рублей.